

Артем
ПОПОВ

г. Северодвинск

— Грачи прилетели, — это так Лёнка встречал нас, заявившихся в деревню к бабушке на всё лето.

Лёнка, он же дядя Лёня, был соседом и дальним родственником одновременно.

— Пришёл попроведать, — зачем-то каждый раз говорил он, словно оправдывая своё появление в гостях, хотя наши избы стояли друг напротив друга и весь день он мог наблюдать, чем мы занимались.

— Сиди, сиди, Леонид Иванович, — говаривала бабушка. — Не мешаешь.

Он курил через чёрный мундштук только сигареты «Прима», потому что они были самые дешёвые. Денежку на курево подороже Лёнка жалел.

Как только он уходил, буквально через минуту, словно сменив его на посту, прибегала Анюшка. Маленькая, почти невесомая старушка всегда была в белом платочке. Садилась тоже на лавку у печки, на то самое место, кажется, после Лёнка ещё не остывшее.

— Как живи́те? — Анюшка всегда задавала один и тот же вопрос.

В раннем детстве я считал Лёнка и Анюшку мужем и женой. А как же? Они примерно одного возраста, жили в одном доме, говорили друг о друге, об общем хозяйстве — были как одно целое.

Только много позже, когда Анюшка и Лёнка уже ушли на тот свет, я узнал, что они, оказывается, родные брат и сестра: Леонид Иванович и Анна Ивановна. А нашей бабушке — двоюродные.

Леонид Иванович успел захватить Великую Отечественную. Он служил юнгой на Северном флоте. С войны привёз осколок в животе и целый мешок матросских воротничков.

— Ну, хоть бы что-нибудь ещё, гостинец какой... — вздыхала Анюшка для вида.

Однако и воротнички не пропали в деревенском хозяйстве: Анюшка наткала из них половичков на весь дом, один и нашей бабушке перепал. Они служили уже не один десяток лет. «Крепкая материя!» — удивлялись женщины.

Сразу после войны Лёнка посадил у дома два тополя, за ними он специально съездил в Устюг.

— Обычно ведь что у всех домов растёт? Черёмуха. То-то же. А тополь — городской житель, — объяснял.

Тополя росли как на дрожжах и превратились в настоящих великанов. Спустя десятилетия они стали заметны издалёка, как только деревня показывалась из-за леса. Если виднеется что-то зелёное, «пятиэтажное», то здесь живут Лёнка и Анюшка, а значит, рядом и родной дом. Для нас это были своего рода маяки.

После войны жить бы да жить, жениться, растить детей... Но не получилось у них создать собственные семьи, не дал Бог и детей.

Многие за глаза Лёнка называли Стари́ще. Прозвищами в деревне, конечно, никого не удивишь: у каждого почти имелось. Вот с Колей Красным понятно: лицо красное, как из бани всегда. Но почему Стари́ще? Может быть, потому, что молодым Лёнка никогда и не выглядел: после возвращения с войны и до самой старости

лицо у него было худое и морщинистое.

Один раз мальцом при людях к дяде Лёне я добавил «Старіще», чтобы посмотреть на его реакцию. Ругаться Леонид Иванович не стал, а сказал только: «Неэтично это». Любил он что-нибудь этакое ввернуть в свою речь. Неделю потом не приходил к нам в гости — обижался. А потом снова с порога:

— Давно собирался, вот пришёл попроведать...

Но я до сих пор краснею, когда вспоминаю этот случай с прозвищем...

Как все деревенские, Леонид Иванович нрава был весёлого, бухтинщик ещё тот — всё шутки да прибаутки. «Тётка, у тебя черная серёдка», — это из его самых приличных присказок.

В 1960-е в деревне была общая баня, в которой по «мужским» дням мылись мужчины, по «женским» — женщины и дети. Так Лёнка-Старіще обязательно приходил, когда парились женщины. «Лешак тебя принёс!» — ругались бабы.

Анюшка всю свою нерастраченную любовь и заботу дарила нам, соседским детям.

— Ромашка-белая рубашка, — говорила она моему брату Роме и, как фокусник, доставала из-под чистого передничка пистешник (пирожок с «пистиками» — молодыми ростками хвоща полевого) или шанежку с картошечкой, ещё горячую.

— Только Лёнка не говорите. Ругать будет, — просила Анюшка и жаловалась: — Хоть бы пряники магазинские когда разрешил купить — не едала...

Все в деревне и так знали, что Старіще был скуп. Говорят, все деньги он откладывал «на книжку», но сколько их там он накопил, никто не знал.

В деревне мало у кого был телевизор — можно по пальцам одной руки пересчитать. Но Леонид Иванович купил его одним из первых. Из телепередач он, наверное, и набрался «интеллигентных» слов. В доме Лёнка и Анюшки был идеальный порядок — наверное, у хозяина это повелось ещё с флота. Даже мухи у них, кажется, не летали, а телевизор после просмотра обязательно закрывался белой кружевной накидкой.

Анюшка, божий человечек, умела заговаривать грыжу, лечила все болезни живота.

— На сегодняшней денёк смолеватенький пенёк, — гладила сухой ручкой мне, малышу,

животик, — и боль уходила.

Но вылечить себя она не смогла: за несколько месяцев стореда от рака.

Лёнка после её ухода сильно сдал.

— Я долго без моей Анюшки не проживу, — как-то раз грустно сказал он нашей бабушке.

Так и случилось. Пошёл в больницу «проверяться», там через месяц и умер. Недолго он смог прожить без сестры. Любил её, оказывается, крепко...

Всё «наследство» досталось какому-то племяннику, которого в деревне и видели пару раз. Молодой мужчина пришел в сберкасса снимать деньги с книжки Леонида Ивановича, а оказалось, там шиш да ни шиша. Хватило только на похороны да на поминки.

— Не может быть! — рассвирепел племянник.

Не оказалось у Лёнка никакого богатства. Да откуда же было взяться, когда в колхозе работали за трудодни, а потом в совхозе — за копейки?

Племянник зачем-то срубил оба тополя — может, на дрова, чтобы больше денег поиметь с дядькиного хозяйства.

Не стало Ленка и Анюшки, не стало и тополей. Не видно издалека, где же дом... Лишились мы родных маяков.

На тихом деревенском погосте рядом три могилки — бабушки Сани, Анюшки и Ленки. На памятниках — одна фамилия. Как жили всю жизнь вместе, по-соседски, так и сейчас рядышком.

...В кровь порезал руки, выдирая сорную траву с могилок, — опять перчатки забыл. Поправлю у памятника Леониду Ивановичу выцветшую георгиевскую ленточку. Покрошу городских пряников для Анюшки, которых она так и не наелась досыта. Помяну и тихо уйду, не оглядываясь...

КАПКА

Её дом стоит на самом краю деревни...

Капитолину Леонидовну полным именем, кажется, никто никогда не называл — Капка и Капка. Сколько ей было лет, когда я её впервые увидел, сказать сложно. Сорок? Пятьдесят? А может, наоборот, и сорока не было...

Она всегда была одета в брюки и тёмно-синий пиджак от советской школьной формы, остав-

шейся от сына. Даже в самую жару Капка ходила в резиновых сапогах, что, в общем-то, в деревне привычное дело. На голове носила платок, смешно завязанный узлом наперёд.

Пока не закрыли птичник, работала там. Куры узнавали Капку за километр. А считают, что они безмозглые! Кажется, Капка знала птичий язык, о чём-то говорила с ними. Но была у неё одна слабость — очень уж любила «беленькую».

Когда совхоз развалился, Капка стала пить всё больше. Часто приходила к нашей бабушке одолжить денег:

— Санька, дай последний раз.

Бабушка её совестила:

— Ну когда ты одумаешься-то! — и наливала Капке молока.

Единственный её сын, Валькó, после армии в деревню не вернулся, уехал в город искать работу — подальше от матери.

Один раз в её доме неделю укрывались три уголовника, сбежавшие из колонии соседней Кировской области. Капка, добрая душа, прятала беглецов на повети, поила-кормила. Об этом стало известно, только когда их задержали на вокзале в Устюге. Но Капке за укрывательство ничего не было — что с сумасшедшей возмёмшь?

С каждым годом она опускалась всё ниже и ниже. Мы, подростки, как-то решили пошутить: налили в бутылку из-под «Столичной» колодезной воды и подарили Капке: «Пей, тётя!» Она выпила и... захмелела. Как ругали нас взрослые!..

В девяностые ухари покупали по деревням

иконы. Они очень обрадовались, когда узнали, что у местной пьянчужки хранится Библия. Говорили, очень старинная, с непонятными буквами, наверное, дореволюционная.

— Не продам! Библия от баушки осталась! — этого никто не ждал от Капки, загнувшей для убедительности такой трёхэтажный мат, что городские мужики быстро свалили.

А Капка продолжала пить всё, что попадало в руки.

...В ту хмурюю осень волки совсем обнаглели — съели почти всех собак в деревне.

Поздним вечером сосед Капки, Сергей, услышал подозрительный шум на задворье. Подумал, наверно: «Сволочи, к самому дому уже подошли!..» Схватил он ружьё и, недолго думая, сделал пару выстрелов в темноту.

Наутро в кустах обнаружили испачканную землей и кровью Капку. Врачи потом сказали, что после ранения она была жива ещё несколько часов. Но никто Капку тогда не хватился. «Отмучилась бедная!» — сказали в деревне.

Говорили, что соседа Сергея за непредумышленное убийство не наказали, да и кто за Капку заступится?!

...В последние годы брошенные дома в деревне упали, крыши провалились, оставшиеся стены жители распилили на дрова. А Капкина изба на самом краю деревни стоит твёрдо, но неприкаянно, облюбованная перелётными птицами. □

Артём ПОПОВ

родился в 1980 году в Северодвинске.

Работал корреспондентом

в северодвинской городской газете «Северный рабочий»,

на данный момент — пресс-секретарь

Совета депутатов Северодвинска.

Выпустил первую книгу «Счастье прошедшего времени».

Публиковался в журнале «Двина».

Член Союза журналистов России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

